

Солнечный свет безмолвно заливал землю, ветер стих, облака замерли в вышине. Настала оглушительная тишина.

По рядам вражеского войска, стоявшего под стенами, прокатилась волна изумления. Что это было? Что только что прокричал этот солдафон? Любимец? Какой ещё любимец, чей любимец? Князя? Неужели у Хо Яня кто-то появился, да ещё и такой, кого он балует, словно зеницу ока? Почему они об этом ничего не знают!

Но ведь вопрос прозвучал внезапно, а ответ последовал незамедлительно — о сговоре не могло быть и речи. Неужели они и впрямь упустили из виду самую важную фигуру?

Гу Тин, прикрыв лицо шёлковым веером, с улыбкой наблюдал за их реакцией. Он знал, что всё будет именно так, даже реплики заранее готовить не пришлось.

Сделав вид, что горестно вздыхает, он продолжил свою жалобную тираду:

— Согласно древнему обычаю, на поле брани не трогают послов, а в мужской ссоре — не впутывают семью. Когда я услышал, что меня приглашают в гости, я, признаться, очень обрадовался. Наш князь человек бережливый, а год близится к концу, так что в закромах почти ничего не осталось. Из моих любимых лакомств — ни крошки. Ни серебряной рыбы с Янцзы, ни озёрных крабов из Тайху, ни северных фазанов... Да что там, даже новых нарядов почти не сшили. А без туфель, расшитых южным жемчугом, и подвесок из лучшего хотанского нефрита, зачем мне вообще новая одежда? Я ведь даже из дому выйти не смогу. Я тут подумал, раз уж я родился в год Крысы, может, заказать себе несколько золотых фигурок? Маленькие золотые мышки — это так мило и празднично, и в качестве новогодних подарков хороши. Но когда я пошёл просить денег, старый управляющий сказал мне, что и золота-то почти не осталось! Скажите на милость, как после этого встречать Новый год?

Вражеские воины, стоявшие под стенами, дружно ахнули. Серебряная рыба, озёрные крабы, северные фазаны — да кто не знает, что эти деликатесы ценятся только свежими, а в ином виде они просто тухлятина? Где в такую стужу найти живую рыбу или крабов? А туфли с жемчугом, подвески из нефрита... и без этого он из дому выйти не может? Да знаешь ли ты, сколько всё это стоит в такое время года? С такими запросами тебе впору на небо проситься!

Горожане же, напротив, слушали его с другими чувствами. С одной стороны, они восхищались его красотой и дерзостью, а с другой — их сердца сжимались от сочувствия.

Кто такой князь-защитник Севера? Он же бог-хранитель, оберегающий их земли и покой! Разве есть что-то, чего он не достоин? У него должно быть всё самое лучшее! Пусть он и не император, но и уступать ему во многом не должен. Что такого в том, чтобы на Новый год поесть рыбы или крабов? Да, дорого, но почему он не может себе этого позволить? А его любимец, его сокровище, которого он, должно быть, холит и лелеет, окружённый безграничной заботой князя, не может даже отведать лакомство подороже, и на Новый год у него нет новой

одежды... Это было... так горько.

Князь так скромен, и всё ради них, простых людей! Разве война не требует денег? Разве оборона от врага не требует денег? Разве провиант для армии не требует денег?

Если какой-нибудь юнец, не разобравшись в ситуации, осмеливался упрекнуть Гу Тина в капризах, он тут же получал от старших увесистый подзатыльник:

— Какие капризы? Ты, когда на Новый год кусок мяса ешь, это капризы? У каждого сословия свои радости. Когда можешь себе позволить, но отказываешься ради блага народа, — разве многие на это способны!

— К тому же, ты что, поверил всему, что сказал молодой господин Гу? Ты его раньше не видел, не знаешь, что он за человек? Разве он хоть раз щеголял в золоте и шелках, утопая в роскоши?

Молодые люди задумывались, и действительно. Они и раньше видели этого господина Гу, но он всегда выглядел как обычный человек, склонный к учёности, предпочитал простые длинные халаты, был опрятен и изыщен. Даже нефритовая подвеска на его поясе была не самой дорогой, лишь необычной и красивой. Когда ещё они видели его в таком наряде, как сегодня?

Очевидно, сегодня он делал это намеренно. Это была уловка!

— Но как же он правдоподобно играет...

— В этом-то и есть его талант! Ты бы на его месте уже от страха в штаны наложил, какая уж тут игра, какая уловка!

— Только такой человек и достоин восхищения князя...

Один — гений и красавец, другой — доблестный и непобедимый. Эти двое просто созданы друг для друга!

Гу Тину было всё равно, что о нём думают. Закончив свою речь, он прикрыл лицо веером и устремил на врагов за стеной пламенный взор.

— Раз уж вы приглашаете в гости, то, конечно же, всё это для меня приготовили, не так ли?

Враги молчали.

Какое там «приготовили»! Вот топор палача у нас наготове, не желаешь ли!

Не получив ответа, Гу Тин мгновенно сменил милость на гнев.

— Что такое? Даже этого не приготовили, а ещё смеете приглашать в гости? Вы действительно искренне приглашаете? — он прикрыл губы веером, и его взгляд стал ещё холоднее. — А может... вы просто хотите выманить нас из города, чтобы убить где-нибудь в безлюдном месте?

Настала тишина.

Мужчина средних лет, который кричал ранее, — переодетый Чжан Гуй — снова вышел вперёд. Его улыбка была натянутой.

— Что вы, что вы! Молодой господин, вы, должно быть, неправильно нас поняли. Конечно, всё готово! Всё это есть, а чего нет — мы сейчас же распорядимся приготовить. Вы ни в чём не будете нуждаться!

На словах-то он был любезен, но в душе Чжан Гуй кипел от злости. «Готово или нет, всё равно никто не узнает, а ты этим всё равно не воспользуешься!»

Гу Тин улыбнулся, его вид выражал удовлетворение и расслабленность.

— Вот и хорошо. Я так и думал. Обычаи нельзя нарушать. Раз уж вы так искренне приглашаете, вы же не какие-нибудь злобные псы, что прибегают к подлым уловкам. Как вы могли отнестись ко мне без должного уважения? Я ведь не привередлив, мои требования так скромны. Как можно их не выполнить? Ну что ж, я уже нарядился. Где ваша роскошная карета?

Чжан Гуй опешил.

— Роскошная... карета?

Гу Тин снова рассердился, его брови сошлись на переносице, а в голосе прозвучало недовольство.

— А как мне ехать, пешком, что ли?

— Есть лошадь...

— Это не то, — Гу Тин с деланой усталостью потёр поясницу. — Я ведь служу князю, тружусь день и ночь, моя спина совсем не выносит тряски. Неужели вы не можете проявить немного сочувствия и предоставить удобную карету? Или вы хотите меня измучить, чтобы я больше не мог служить князю?

Говоря это, его взгляд вдруг застыл, а голос стал ледяным, словно слова просачивались сквозь зубы.

— Пойдите-ка, а не пытаетесь ли вы намеренно мне навредить! Чтобы, когда я стану бесполезным, вы могли подсунуть князю нового любовничка? Который к тому же будет вас слушаться и заодно шпионить? Я так и знал, что вы негодяи, подлые, бесстыжие и низкие!

Чжан Гуй потерял дар речи.

Кого, чёрт возьми, здесь считают бесстыжим и коварным?! И хватит выдавать свои домыслы за правду!

— Этого точно нет, — Чжан Гуй сложил руки в жесте приветствия, изображая искренность. — Мы очень уважаем молодого господина.

Гу Тин прикрыл лицо веером.

— Действительно уважаете?

Чжан Гуй стиснул зубы.

— Да!

Произнеся это, он и сам почувствовал, как это странно звучит. Ещё недавно он и знать не хотел, кто этот человек, а теперь вынужден говорить об уважении. Что за абсурдная тактика!

Но прошло уже почти полчаса, ситуация зашла в тупик, отступить было поздно, оставалось лишь идти до конца.

Гу Тин с самого начала контролировал ситуацию и прекрасно понимал, что происходит. Он тут же вскинул подбородок с видом крайнего высокомерия.

— Тогда преклони колени и поклонись мне.

Чжан Гуй возмутился.

— Что?

Ты, должно быть, спятил! С какой стати я должен тебе кланяться!

Гу Тин недовольно надул губы.

— Значит, твоё уважение неискренне. Ты всё-таки хочешь мне навредить, чтобы потом подсунуть нашему князю нового любовничка-шпиона!

Чжан Гуй был в отчаянии.

— Этого нет! — взмолился он. — Я сейчас же прикажу приготовить для тебя карету, хорошо?

— Сначала преклони колено.

Чжан Гуй, скрепя сердце, опустился на одно колено. Его взгляд был полон ненависти.

— Молодой господин, такая поза вас устроит?

«Ну и что, что на коленях? — думал он. — Даже великий Хань Синь стерпел унижение, проползая между ног, а я, преклонив колено ради великой цели, что я теряю!»

— Ну, сойдёт, — Гу Тин продолжал привередничать. — Сразу бы так, и проблем бы не было. Поторопись, готовь карету. Таковую же, как у меня.

— Это... это будет затруднительно. Я ведь не видел кареты молодого господина.

Гу Тин снова вскинул подбородок и указал на солдата, который отвечал ему ранее.

— Ты, опиши ему.

Солдат стоял на дежурстве на башне и хорошо видел всё, что происходило внизу. Карету, на которой приехал Гу Тин, он заметил давно, она всё ещё была в поле его зрения. Он тут же начал описывать:

— Крыша из позолоты, узоры из серебряной краски, занавески из лучшего шёлка русалок, мешочки с благовониями из западных земель, колокольчики из чистого золота, украшения из слоновой кости, отделка из лучшего лисьего меха...

От этого потока слов у Чжан Гуя закружилась голова, он даже не дослушал до конца. Золото и серебро — это ещё ладно, но шёлк русалок, слоновая кость, лисий мех, благовония из западных земель... Где он всё это достанет? Да он себя продаст и то не расплатится! Еду ещё можно было соврать, что приготовили, а карету нужно было подавать немедленно. Да он и за месяц такую не соберёт!

Что за исчадие ада явилось на его голову!

Чжан Гуй не выдержал. Его гнев вырвался наружу.

— Хватит здесь смуту наводить! А где вдовствующая княгиня? Даже если ты — любимец Хо Яня, мы пригласили всю семью князя-защитника Севера, а не тебя одного! Нужно ведь и мнение остальных выслушать!

Гу Тин в сердцах швырнул веер на землю.

— Да как ты смеешь, урод! Ты даже со мной управиться не можешь, а ещё хочешь прислуживать нашей вдовствующей княгине? Она всю жизнь была княгиней, и её, в отличие от меня, не обманешь какими-то мелкими рыбёшками, крабами и жемчугом! Вы приготовили для неё лучшие морские огурцы, акулы плавники и тысячелетние женьшени? А драгоценные камни, бонсаи и красные кораллы с Восточного моря для услады её взора? А какие подарки вы приготовили? Парчу «облачная дымка», что стоит тысячу золотых за цунь, или бесценный нефрит из старых копей? А если у вдовствующей княгини пропадёт аппетит или испортится настроение, кто за это ответит? У вас нет ни малейшего понятия о приличиях, вы только языком молоть горазды! Вы что, с ума сошли, или мы, по-вашему, сумасшедшие?

Выпалив всё это на одном дыхании, Гу Тин холодно усмехнулся.

— Хотите штурмовать город — пожалуйста, мы готовы! Если мы отступим хоть на шаг, значит, мы, жители Цзююаня, — трусы и слабаки, и заслуживаем смерти! Но если вы приглашаете в гости, так будьте любезны соблюдать приличия! Вы не хотите идти прямым путём, но и кривая дорожка вам не по нраву. Вывешиваете вывеску о гостеприимстве, а на деле готовите угрозы. С таким мы дел иметь не будем!

Его слова прозвучали твёрдо и уверенно, и один из старых солдат на стене громко расхохотался.

— Верно! Если уж вышел на панель, так торгуй! Мы заплатим, не покупимся. Но если ты, продавшись, ещё и строишь из себя невинную девицу, то тебе не воевать надо, а в бордель идти!

— Ха-ха-ха, точно!

— У-у-у!

В одно мгновение боевой дух на стене взлетел до небес, со всех сторон слышались улюлюканье и насмешки.

Чжан Гуй кипел от ярости. Его глаза сверкнули, и он сделал знак. Стоявший неподалёку в тени

лучник бесшумно наложил стрелу на тетиву, и со свистом она полетела прямо в сторону Гу Тина!

Гу Тин видел её. Стражники на стене тоже видели. Но стрела летела слишком быстро, слишком мощно, увернуться или заслониться было невозможно...

В этот критический момент сбоку раздался ещё более устрашающий свист. Другая стрела, быстрее ветра, яростнее грома, прочертив в воздухе невидимую линию, врезалась в первую. Она не просто сбила её, а расколола надвое и, не сбавляя скорости, вонзилась в землю у самых ног вражеского командира!

Стрела остановилась всего в трёх цунях от его ступни, её оперение слегка подрагивало. Настала мёртвая тишина.

Гу Тин замолчал и обернулся, посмотрев на инструктора Линя.

Мужчина средних лет с растрёпанной причёской опустил лук, подмигнул ему и дерзко улыбнулся, словно говоря: «Дерзай, малый, я прикрою!»

Гу Тин вздохнул.

Глубоко вздохнув, он смирился.

Веер был сломан, но осталась грелка. Гу Тин, с ещё более вызывающим видом и выражением крайнего презрения на лице, словно оно было частью его самого, продолжил:

— Что, уже не выдержали? Не рановато ли для убийства? — он неторопливо поглаживал грелку. — Кстати, я так и не спросил, как ваше имя и откуда вы будете? Хозяин, приглашая гостей, должен ведь представиться. Прошу вас, просветите меня.

Вражеские ряды молчали.

Гу Тин хмыкнул с ещё большим презрением.

— Даже разбойники на большой дороге говорят: «Эта гора — моя, это дерево — моё». А вы даже имён своих назвать не смеете. Что же это за тёмные дела вы проворачиваете? Я человек простой, многого не знаю, но одно мне известно: настоящие воины, что не боятся выходить на поле брани, — все герои, живут честно и открыто, ничего не боятся. Как говорится, смерть — так смерть, костей не соберёшь! А вы, прячущиеся за чужими спинами, даже имён своих назвать не смеете, — разве это дело воина? Вам самим не стыдно? Ваши матери дома, поди, слезами обливаются.

Глаза Чжан Гуя налились кровью.

— Как ты смеешь, щенок!

По его знаку снова полетели стрелы, но Гу Тин даже не пошевелился. Пусть летят, у него есть свой бог-лучник, кого ему бояться!

Инструктор Линь и впрямь не подвёл. На каждую вражескую стрелу он отвечал своей, сбивая их одну за другой. Как бы ни злился враг, пока он был здесь, ни одна стрела не могла коснуться Гу Тина!

Его рука была невероятно твёрдой. Каждая выпущенная им стрела вонзалась в землю у ног Чжан Гуя, ровно в трёх цунях от него. После нескольких залпов у ног Чжан Гуя образовалась ровная линия...

Это было унижение, намеренное унижение!

Две армии стояли друг против друга, и расстояние между ними было выверено. Они находились вне зоны досягаемости обычных лучников, но у каждой стороны были свои снайперы, способные стрелять на сотни шагов. Очевидно, их снайпер проиграл. Тот, с другой стороны, был настолько хорош, его стрелы летели так точно и мощно, но он не убивал, а лишь, словно играя, чертил линию у его ног. Это было не что иное, как издевательство! Это было прямое заявление: «Ты — ничтожество!»

Гу Тину было наплевать на его душевные терзания. Он с улыбкой прокричал:

— А что это задние ряды сегодня такие молчаливые? Только один впереди кричит. Столько времени прошло, вам не кажется, что всё это как-то странно? Ваш план, который вы разработали и должны были исполнить, наверняка был другим. Позвольте угадать, вы хотели действовать быстро, не так ли? Взять в заложники семью князя-защитника Севера, а если не получится — немедленно начать штурм, чтобы избежать непредвиденных обстоятельств, верно? Но прошло столько времени, а вы, кажется, и не собираетесь никого приглашать, ни штурмовать.

Городские стражники, подхватив его настроение, хором закричали:

— Не собираются!

— Почему же?

Толпа здоровенных мужиков подхватила:

— Почему же?

Чжан Гуй и его люди внизу готовы были взорваться от ярости. Что за сборище негодяев и хулиганов! Есть ли у них хоть капля стыда?!

Гу Тин обвёл их взглядом, полным сочувствия.

— Мне искренне вас жаль. У вас в голове что, орех вместо мозгов? Вы думать не умеете? Тот, что впереди, кричит громче всех, старается изо всех сил. Но действительно ли он делает это ради вас? А может... он наш человек, посланный казачок, который всё это время тянет время, чтобы помочь нам?

Стражники на стене, как по команде, взревели:

— Наш человек!

Когда эти слова произносил Гу Тин, с его изящной внешностью и утончёнными манерами, это ещё можно было стерпеть. Но когда их, подражая его тону, выкрикивали грубые солдафоны, это звучало до тошноты приторно и издевательски.

Враги внизу кипели от злости, а стражники на стене, наоборот, воодушевлялись всё больше и больше, глядя на Гу Тина сияющими глазами. Что за сокровище, что за гений! У князя отменный вкус!

Гу Тин с улыбкой посмотрел в сторону Чжан Гуя.

— Уважаемый, так вы из Ди? Или, может, из Чжан? А может, из Хо? Я понимаю, у вас особое задание, и ради успеха вы готовы на всё. Но вы могли бы хоть намекнуть, чтобы мы могли вас спасти.

Старый вояка подхватил:

— Ха-ха-ха, верно! Признайся, что ты наш, и мы гарантируем тебе жизнь!

Вражеский отряд и впрямь заволновался. Солдаты сзади стали смотреть на Чжан Гуя с подозрением, а один из офицеров уже направился к нему, чтобы поговорить.

Чжан Гуй готов был лопнуть от ярости.

— Не слушайте его! Это уловка! Он пытается вас обмануть!

— Тогда почему мы так долго тянем?

Чжан Гуй опешил. Действительно, почему? Прошло уже несколько часов!

— Я... — он сглотнул, с трудом вымолвив, — я тоже попался на его уловку.

— По-моему, ты что-то скрываешь!

Внутренний раздор у врага — что может быть лучше? Гу Тин, заложив руки в рукава, неторопливо произнёс:

— Ладно, вы сначала договоритесь между собой, а потом мы продолжим.

С этими словами он развернулся и сошёл с возвышения.

У Фэн, не отходивший от своего хозяина ни на шаг, теперь смотрел на него с безграничным восхищением, подняв большой палец.

— Молодой господин, вы гений! Настоящий герой!

Губы Гу Тина дрожали.

— Поддержи... поддержи меня.

У Фэн подхватил его под руку.

— Молодой господин, что с вами?

— Ноги подкосились, — Гу Тин почти всем весом опёрся на У Фэна, не в силах стоять. — Честно говоря, твой хозяин впервые в таком участвует.

У Фэн потерял дар речи.

Инструктор Линь, проявив заботу, приказал принести стул. Гу Тин сел, пытаясь отдышаться, и показал инструктору Линю большой палец.

— Отличная стрельба.

— Да так, ничего особенного, — скромно ответил инструктор Линь. — Вот мой ученик — тот

действительно мастер.

— Кто ваш ученик? — с любопытством спросил Гу Тин.

Взгляд инструктора Линя скользнул к его поясу, полный глубокого смысла.

— Мой ученик силой горы свернёт, из ста выстрелов сто раз попадёт в цель... Ты ведь с ним хорошо знаком?

Эта странная, двусмысленная атмосфера... Гу Тин замер, готовый откусить себе язык.

Дёрнул же чёрт спросить! Любопытство до добра не доводит! Вот и доигрался!

Инструктор Линь расхохотался.

— Ха-ха-ха! А ты и впрямь милый. Неудивительно, что он на тебя запал. Ладно, сиди здесь, отдыхай. Пока я здесь, ты в безопасности!

Уши Гу Тина медленно покраснели.

Не только в стрельбе... Уж не у него ли Хо Янь перенял эту бесстыжую манеру!

Чжан Гуй внизу сходил с ума, готовый разорвать Гу Тина на куски! Неизвестно, где княжеская резиденция откопала этого человека, но его острый язычок, способный сеять раздор, подливать масла в огонь и нести всякую чушь, доставил ему немало хлопот! Делать было нечего, сейчас ему нужно было как-то спасти себя, найти свидетеля, иначе дело плохо кончится!

К счастью, у него был связной. Он тут же отправил голубя с письмом в Цзююань, к Дао Аньжаню, доверенному советнику Юй Дачуня. Он думал, что, как только получит ответ, его люди поверят ему. Но голубь улетел, а ответа всё не было и не было.

Солдаты северных Ди расшвирились ещё больше.

— И ты ещё говоришь, что ты не шпион!

— Я правда не шпион... я просто пришёл помочь!

Чжан Гуй рыдал, не зная, что Дао Аньжань не то чтобы не хотел помогать — он сейчас и сам был в беде.

А случилось вот что. Вдовствующая княгиня Линь, хоть и болела и, выпив лекарство, легла спать, перед сном отдала одно распоряжение. Её дети сражались на передовой, и она, как любящая мать, не могла оставаться в стороне. Она решила немного подпортить жизнь врагу, но так, чтобы не слишком бросаться в глаза.

Юй Дачунь и его люди были чужаками. Дао Аньжань правильно рассудил, что, устроив небольшой переполох, он либо добьётся успеха и получит награду, либо потерпит неудачу, но ничего не потеряет, ведь они всё равно скоро уедут. Но он забыл, что это будет в будущем. А сейчас он находился в Цзююане, и хотя его сопровождающие были своими, прислуга — нет. Уборщицы, подавальщицы, прачки, даже кухарки — все были из Цзююаня.

Как они могли спокойно смотреть на то, как эти чужаки на их земле обижают их людей? Но, как бы они ни злились, они не смели действовать самовольно. В Цзююане были законы и порядок, и за самоуправство их бы арестовали. Но теперь... вдовствующая княгиня дала добро... А это означало, что сёстры могут начинать!

Переглянувшись, они принялись за дело. Кто-то подсыпал в благовония немного аллергенных трав, кто-то — в чай слабительное, а кухарка «случайно» приготовила блюдо из несовместимых, но не смертельных продуктов... И почти сразу же вся резиденция слегла. Симптомы были разные, но жизни ничего не угрожало, просто было очень неприятно. У кого-то тело покрывалось зудящей сыпью, которая при расчёсывании начинала гноиться; кого-то рвало и поносило так, что они не могли отойти от уборной; у кого-то распухали губы и нос, и они не могли ни есть, ни пить, ни даже открыть рот.

Приехавший лекарь на все вопросы о яде лишь качал головой: «Невозможно! Какой яд может вызывать такие разные симптомы? Это просто акклиматизация!»

Один лекарь сказал, второй, третий — все сошлись на том, что это акклиматизация. Что тут поделаешь? Оставалось только лечиться. Лекарь настоятельно советовал всем очистить желудки, поменьше есть, а лучше и вовсе ничего не есть, и тогда всё пройдёт.

Ничего не есть? И даже не пить? Да они так умрут! Дао Аньжань и его люди были в ярости. Они проклинали семью князя-защитника Севера, но от этого им становилось только хуже. Тогда они принялись проклинать Гу Тина, но и это не помогало. Оставалось лишь молчать. И, о чудо, им становилось легче! Что за чертовщина? Неужели семья князя-защитника Севера была под защитой высших сил, и их даже ругать нельзя было?

Слуги не мешали им отправлять голубей, но, когда письмо доставили, Дао Аньжань даже не смог его открыть. Его лицо было землистого цвета, он был слаб, как котёнок, и перед глазами всё плыло. Единственное, чего он хотел, — это обнять уборную и никогда с ней не расставаться. Какие уж тут дела!

Гу Тин вскоре узнал о случившемся. Дао Аньжань был при смерти, и выглядел он ужасно. Но какое ему до этого дело? Гу Тин, заложив руки в рукава, думал: «Пусть хоть умрёт, какое это имеет отношение ко мне, слабому, невинному и жалкому наложнику?»

Чжан Гуй так и не дождался ответа, а время терять было нельзя. Посоветовавшись с солдатами северных Ди, они пришли к выводу, что гостя им не видать, а значит, нужно штурмовать!

Но на этот раз ситуация в корне изменилась.

Сначала они, выставив огромное войско, пытались запугать, били кнутом, а потом предлагали пряник сомнительного вкуса, угрожая вырезать город, если им не выдадут семью князя-защитника Севера. Они пытались шантажировать жителей, и, хотя это и не вызвало бы немедленного раскола, но посеяло бы страх и неуверенность, подорвав боевой дух. Но теперь Гу Тин сорвал с них маску. Какое там гостеприимство! Вы просто подлые негодяи, заслуживающие хорошей трёпки!

К тому же, они оказались не такими уж и сильными. В словесной перепалке проиграли, лучники у них хуже, да ещё и внутренние раздоры! Кроме численности, у них ничего и нет! А с такими толстыми и высокими стенами им в город не прорваться! Да и столько времени они протянули, что князь-защитник Севера наверняка уже получил весточку и спешит на помощь. Чего бояться!

Чжан Гуй чувствовал, что дело плохо, так они проиграют.

Он лихорадочно соображал, пытаясь придумать какой-нибудь выход, но не успел — издалека действительно кто-то приближался.

<http://bllate.org/book/15878/1588798>